

РЕЛИГИОЗНЫЕ КОНФЕССИИ В БОРЬБЕ ЗА СИМВОЛИЧЕСКУЮ ВЛАСТЬ

В статье рассмотрены стратегии религиозных институтов, применяемые в процессе борьбы за символическую власть. Применены подходы, выработанные в рамках рыночной модели анализа, прежде всего П. Бергера, П. Бурдьё, Р. Старка и Р. Финке.

Ключевые слова: символическая власть, символический капитал, легитимация смыслов, конкуренция религиозных дискурсов, religious consumers, religious market, «Folk Religion».

Alekseeva Maria Sergeevna

Buryat Branch of the Siberian University of Consumer Cooperation, Ulan-Ude, Russian Federation

RELIGIOUS DENOMINATIONS IN THE STRUGGLE FOR SYMBOLIC POWER

The article considers the strategies of religious institutions used in the struggle for symbolic power. The approaches developed in the framework of the market model of analysis, first of all, P. Berger, P. Bourdieu, R. Stark and R. Finke, are applied.

Keyword: symbolic power, symbolic capital, legitimation of meanings, competition of religious discourses, religious consumers, religious market, "Folk Religion"

В обществе всегда есть конфликт между символическими властями, стремящимися внедрить свое видение легитимных делений, конструировать группы. Символическая власть в этом смысле есть власть worldmaking. Чтобы изменить мир, нужно изменить способы, по которым он формируется, т. е. видение мира и практические операции. Власть внедрять в чужой ум старое или новое видение социального деления зависит от социального авторитета, завоеванного в предшествующей борьбе. Если обратиться к истории христианства, церковь использовала мощный символический капитал, накапливаемый в ходе первоначального утверждения и расцвета христианства. Император Константин, Иоанн Златоуст и Франциск Ассизский, Августин Блаженный и другие ее агенты создали тот символический капитал, который имеет воздействие на умы и сегодня и создает эффект легитимации христианской институции, не смотря на возникающие в их функционировании противоречия. В России этот капитал символической власти церкви был заложен как государственными деятелями – княгиней Ольгой и князем Владимиром, князьями Ярославом Мудрым и Александром Невским, так и собственно церковными – Сергием Радонежским, Серафимом Саровским, Иоанном Кронштадским, Ксенией Петербургской и мн. др., истории о которых передавались из поколения в поколения как образцы духовности.

В условиях полиэтничного региона такое символическое влияние оказывают сразу несколько конфессий, через своих наиболее влиятельных агентов и институций. В Бурятии символический капитал буддизма, оказывающий влияние на духовную жизнь ее населения, конструирование повседневных практик также сложился не вдруг, но в результате духовного подвижничества многих поколений буддийских деятелей. Он складывался на почве более масштабных геокультурных процессов, воспринимая идеи из глубины веков, начиная с учений Будды Сидхартхи Гаутамы и Дзонкапы,

заканчивая трудами недалекого и обозримого прошлого: хамбо-ламы Итыгилова, Агвана Доржиева, Базара Барадина, Цыбена Жамцарано и др. Символический капитал воспроизводится и дополняется буддийским духовенством современности, в первую очередь, деятельностью предстоятеля традиционной сангхи России хамбо-ламы Аюшева.

В символической борьбе за производство здравого смысла, за монополию легитимного определения мира религиозные агенты и институции современной России играют все более заметную роль. Многие представители научного сообщества, оценивая современную ситуацию в поле символической власти и борьбы за монополию легитимации смыслового универсума, отмечают наступление религии, агрессивные притязания традиционных конфессий на доминирование в символическом поле, а через это влияние и во всех сферах жизни общества – экономике, политике, культуре. Ее (религии) определения, видение мира и стратегии повседневной практики инкорпорированы во все сферы общественной жизни. Это проникновение религиозного и в российскую армию (через внедрение института капелланов), и в российское образование (через введение в школах «Основ православной культуры»), и в поле искусства, и в политико-правовой курс страны, и в секторы рыночной экономики (религиозный туризм, например).

Но есть и другие, прямо противоположные оценки, всех названных процессов. Благодаря чему поддерживается их символический капитал? Здесь следует говорить о стратегиях, посредством которых поле религии через своих агентов и институции акцентирует те отличительные качества, которые позволяют сохранить свой ранг в социальном универсуме – сохранение этнонациональной самобытности, моральная регуляция поведения, духовное обоснование национальной безопасности и т.д. Эти конструкты поддерживают реализацию

разнонаправленных стратегий, имеющих своей движущей силой не только государственную машину, но и частные интересы.

Религия, став рынком идей и ценностей, одновременно с этим стала областью конкурентной борьбы за потребителя и его денежные ресурсы, представляет разнообразные формы услуг, разнообразное предложение в ответ на соответствующий спрос. В социологии рыночную модель к анализу религии применили П. Бергер, П. Бурдьё, Р. Старк и Р. Финке. Последние писали о том, что, чем выше специализация религиозных организаций, тем легче становится потребителям религиозных практик (religious consumers) найти наилучший для них продукт. «Естественным следствием открытости религиозной системы является религиозный плюрализм, который заставляет каждое религиозное объединение добиваться успеха, привлекая определенный сегмент религиозного рынка (religious market). В противном случае они канут в забвение» [Finke, 1988, с. 47]. Следовательно, секуляризация есть следствие религиозной монополии поддерживаемых государством церквей, которые, подобно всем монополистам, недостаточно внимания уделяют нуждам потребителей. Отвечая на тезис о низкой религиозности в северной Европе, Р. Старк отмечает, что недостаток религиозного участия на большей части западноевропейской территории отражает доминирование государственно поддерживаемых церквей, часто неспособных меняться, что-либо сделать для того, чтобы привлечь спрос на свои услуги. И наоборот, чем больше среда характеризуется конкурентностью и плюрализмом (как, например, в США), тем выше уровень религиозного участия [Stark, 1994, с. 3-4]. По мнению Р. Нисбета, там, где государство господствует над нацией, все политизируется или чахнет, и религиозная жизнь не исключение. К этому же выводу, делая акцент на значении реальной автономии от государства и других политических институтов для активной религиозной жизни, приходят в своих работах Бр. Вильсон и Д. Мартин.

В контексте рыночной модели тезис об урбанизации как факторе процессов секуляризации принимает спорное значение. Так если общепринятым было утверждение о том, что возникновение мегаполисов оказало существенное влияние на снижение религиозной активности, то опросы Старка и Финке выявили, что религиозная приверженность выше в городской среде, чем в сельской местности, что закономерно, т.к. в городе значительно больше религиозных организаций, или, иначе говоря, шире поле выбора [Finke, 1988, с. 47].

Отражением реального идеологического плюрализма и активно функционирующего религиозного рынка стало появление новой исследовательской проблематики, фокусирующейся на перемене одной религиозной приверженности на другую. Сейчас некоторые индивиды рассматривают такое переключение с одной религии на другую также, как переключение с любого другого потребительского продукта на какой-то

другой, более устраивающий [Demerath, с. 3]. Появление «религиозного рынка» способствовало потребительски легкому отношению к церкви и вере: если церковь предъявляет жесткие требования, можно найти другую, более подходящую и менее обременительную. Или – на более соответствующую современности в интеллектуальном плане.

Даже в рамках одной конфессии возникала конкуренция религиозных дискурсов, начало чему было положено событиями Реформации, перечеркнувшей абсолютный авторитет Церкви в толковании Священного Писания. Помимо столкновений на горизонтальном уровне, на протяжении всей истории с большей или меньшей интенсивностью шел процесс расхождения между официальной и народной версией одной и той же религии. Дело в разрыве между застывшими религиозными институтами, функционирующими в неизменном виде на протяжении веков, и подвижным индивидуальным религиозным опытом, изменяющимся в соответствии с «духом времени», вместе с трансформациями взглядов, идеалов, потребностей и желаний индивида. У. Кристиан предложил категориальную пару: религию приписанную (religion as prescribed) и религию практикуемую (religion as practiced) [Штырков, 2006, с. 13]. В качестве религии практикуемой, противопоставляемой религии приписанной, часто выступает «народная религия». «Folk Religion» (народная религия) – термин, который, как правило, означает сохранившиеся элементы архаичных верований и суеверий, смешиваемых с «универсальными» религиями; ее важнейшими чертами являются «локальность», синкретичность, приближенность к местным историко-географическим маркерам. Ее актуализация связывается со стремлением получить «дополнительные гарантии», уменьшить неопределенность в жизни.

Религия в современном мире, в своем реальном воздействии на повседневную жизнь все больше оттесняется в частную сферу и, в то же время, как фактор этнокультурной идентификации, усиливает свое публичное присутствие, значимость, артикулируемую и поддерживаемую на самом высоком государственном уровне. А. Ламберт, анализируя трансформацию религии в период модерна, в числе ключевых факторов, формирующих религиозную ситуацию, называет усиливающуюся индивидуализацию верований [Lambert, 1999, с. 303-333]. «Дискредитация великих нарративов»: великих религий, великих идеологий, характеризующая новую эпоху, определяет приоритет личностной религиозности, синкретичных верований, субъективизма. Это эпоха, в которой нет одной-единственной цели, нет единой абсолютной ценности – есть охотно или вынужденный принимаемый плюрализм. В ситуации поколенческого разрыва в духовном плане, утрате связи с традициями индивид пробирается наугад, произвольно комбинируя различные значения, трактуя их по своему усмотрению и не испытывая стойкой приверженности ни к одному из них.

В контексте сложных и конфликтных тенденций современной геополитики и приоритета суверенитета во всех аспектах, в том числе, духовном, актуализация традиционных идентичностей играет все более заметную роль. Институты, защищающие традиционную идентичность, востребованы. В этом отношении российская ситуация очень отличается от западной. Как отмечал К. Гундяев: «Религия на Западе отнесается в сферу частной жизни едва ли не более успешно, чем это было в нашей стране при советской власти. Вы можете быть верующим только в храме и у себя дома. Ваши христианские убеждения не могут мотивировать ваши поступки в общественной жизни. Яркий пример тому – отказ европарламентариев

утвердить в должности комиссара Еврокомиссии итальянца Рокко Бутильоне лишь за то, что он, в соответствии со своими убеждениями доброго католика, назвал гомосексуализм грехом» [Гундяев, 2008, с. 46-47].

В описанной ситуации именно стратегия партнерства с высшим политическим руководством страны в строительстве и воспроизводстве сильной государственности оказалась наиболее эффективной для конфессий стратегией. Ценностные приоритеты современного российского общества охраняются и воспроизводятся наиболее последовательно традиционными конфессиями, что позволяет закреплять свои позиции в контексте конкурентной борьбе за символическую власть.

Литература

- Бурдые П. Социология веры и верования социологов. Разложение религиозного // Начала. М., 1994. С. 133–140, 147–155.
- Гундяев К. Свобода и нравственная ответственность // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / отв. ред. М. П. Мчедлов. М.: ИС РАН, 2008. С. 46
- Руткевич Е. Д. Социологическая концепция Роберта Нисберта // Социологический журнал. 1999. №1-2.
- Штырков С. А. После «народной религиозности» // Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии / под ред. Ж. В. Корминой. СПб.: изд-во Европейского Университета, 2006. С. 13.
- Demerath III, N. J. Switching in American Religion: Denominations, Markets, and Paradigms? // Religion in a Changing World. Comparative Studies in Sociology / Ed. By Madeleine Cousineau. Westport, Connecticut, London. P. 3
- Lambert Y. Religion in Modernity as a New Axial Age: Secularization or New Religious Forms? // «Sociology of religion». Quarterly journal. Volume 60. № 3. Fall, 1999. P. 303-333.
- Finke R. Religious Economies and Sacred Canopies // American Sociological Review. 1988. № 53. P. 47.
- Stark R. Rational Choice Theories of Religion // Agora. 1994. № 2 (1). P. 3-4.
- Wilson, Br. Religion in sociological perspective. N.Y.: Oxford University Press, 1989. P. 149-150, 155.